

Вопреки своей внешности культурного негодяя, Ци Чуань всегда действовал четко, расчетливо и хладнокровно, словно машина, в которой не было места случайностям. Если он что-то обещал, то не допускал ни малейших ошибок.

Когда он вошел в больницу, на его затылке уже красовался слой свежей повязки, пропитанной алыми пятнами, словно он действительно только что перенес болезненную процедуру.

И он не просто надел её — он подготовил целую историю, отточенную до последней детали, с такой безупречной убедительностью, что никто не смог бы усомниться в ней.

Ци Хань помог ему подделать медицинские справки, отчёт о модели феромонов и пятилетний сертификат донора феромонов.

— У меня когда-то был младший брат, тоже бета. Он пережил похожие вещи, — его голос звучал ровно, но в словах сквозила некая теплота.

— Поэтому я не могу спокойно смотреть, как такие, как ты, мучаются.

Его слова были тщательно подобраны, а каждая интонация просчитана до мелочей. В этой идеальной лжи не было ни единой трещинки, и даже тот, кто привык разгадывать чужие замыслы, мог бы на миг усомниться в собственной проницательности. Фу Гэ широко раскрыл глаза, его пальцы невольно подались к носу.

— Значит, я не единственный бета, кого пометили, а потом прооперировали... А ваш брат...

Ци Чуань опустил взгляд.

— Не удалось спасти.

Глаза Фу Гэ покраснели от вины. В его взгляде мелькнула боль, как будто он видел в чужих страданиях собственные.

— Простите, что напомнил о таком...

— Ничего, всё уже в прошлом.

Фу Гэ прикусил губу и неуверенно перевёл взгляд на “рану” на затылке Ци Чуаня.

— А феромоны откачивать... это, наверное, очень больно? — спросил он с осторожностью.

— Терпимо. Я уже привык, — спокойно ответил Ци Чуань.

— Что за глупости, — Фу Гэ недовольно нахмурился. — Боль она и есть боль. Какая разница, сколько раз это повторялось? Врачи хотя бы обезболивающее дают?

За дверью, наблюдая за происходящим через одностороннее стекло, Ци Хань невесело усмехнулся и прикрыл затылок ладонью.

Гэ был прав: боль остаётся болью. И чем больше раз это повторяешь, тем сильнее она кажется. Сегодня утром он только что отдал одну ампулу феромонов под именем Ци Чуаня, чтобы влить её Фу Гэ.

Его железы уже были выжаты до язв и трещин. Но маленький бета будет благодарен какому-то незнакомцу, которого видел впервые, и не почувствует жалости к нему самому даже на каплю.

Тем временем в комнате Фу Гэ, будто не зная, как отблагодарить, низко склонился в поклоне. Его голос дрожал от признательности:

— Господин Ци, я... я правда бесконечно благодарен вам. Вы спасли мне жизнь.

Он нервно теребил подол своей одежды, предлагая:

— Я понимаю, как это мучительно — сдавать феромоны. У меня... у меня есть дом, небольшой, но если не побрезгуете, я мог бы переписать его на вас...

Зрачки Ци Ханя сузились от услышанного, но уже через мгновение он вернул себе спокойствие. — Дом? — его голос прозвучал почти отстранённо. — Это тот самый домик, который я только недавно вернул тебе?

Гэ всегда говорил, что это наш будущий дом... Он медленно прикрыл глаза, лбом прислонившись к стеклу.

— Я так там и не пожил...

Разумеется, Ци Чуань отказался от подарка, негромко убеждая Фу Гэ, что это всего лишь обычное донорство феромонов и не стоит так сильно переживать. А потом, как бы невзначай вспомнив просьбу Ци Ханя, мягко спросил:

— Как ты себя чувствуешь после переливания феромонов? Полегчало хоть немного?

За стеклом альфа мгновенно распахнул глаза, следя за тем, как Фу Гэ медленно улыбается, невольно касаясь ладонью живота. Щёки у него покраснелись, и он слегка кивнул.

— Очень... приятно, — голос его был приглушённым и чуть дрожал. — Никогда бы не подумал, что феромоны могут быть такими... удивительными.

Ци Хань фыркнул с нарочитой лёгкостью:

— А как же иначе? Ты же мой. Я пометил тебя и мы идеально подходим друг другу. Твоё тело принимает только мои феромоны.

Но уже в следующую секунду он услышал, как Фу Гэ пробормотал:

— Спасибо вам, господин Ци. Я впервые понял, что феромоны альфы не всегда такие... отвратительные.

Улыбка застыла у Ци Ханя на губах. Теперь он понял окончательно: Фу Гэ тошнит не от его феромонов, а от него самого.

Дальнейшие слова он уже не слышал. Они проносились мимо, как ветер, а он не решался впустить их в сознание.

Перед тем как уйти, Ци Чуань протянул Фу Гэ руку в вежливом жесте. Маленький бета тут же встал и ответил на рукопожатие, но в этот момент из кармана пиджака Ци Чуаня неловко выпал носовой платок, обнажая спрятанный за ним значок в виде планеты.

Фу Гэ случайно бросил взгляд — и застыл.

— Какая... необычная брошь... — пробормотал он едва слышно, не отрывая глаз от странных цифр, переплетённых, словно клубок змей, или стайка рыб, сплетающихся в водоворот. Голову резко закружило, а в памяти будто всколыхнулась буря. Резкий щелчок пальцев оглушил тишину.

— Тебе пора проснуться, — спокойно сказал Ци Чуань. Зрачки Фу Гэ моментально сузились, потом расширились. В следующую секунду их взгляды столкнулись — ясные глаза в смятении замерли, но уже через миг в них снова заструилось растерянное непонимание.

Ци Чуань вышел за дверь, небрежно кивнув Ци Ханю. Тот машинально поднял воротник свитера повыше, пряча воспалённые железы. Если уж он отдавал феромоны под чужим именем, то не мог позволить себе светить ранами.

Когда Ци Хань вошёл в комнату, Фу Гэ, кажется, решил, что это вернулся Ци Чуань. Его глаза мягко заискрились: — Господин Ци? Но, заметив, кто это на самом деле, он тут же побледнел, и улыбка на лице застыла ледяной маской.

Ци Ханю показалось, будто в грудь ударили с размаху. Он подошёл ближе, остановился за спиной Фу Гэ.

— Ты и правда не хочешь меня видеть?

Фу Гэ резко оттолкнул его.

— Уходи.

Но слабое тело не выдержало. Фу Гэ качнулся назад и больно ударился о деревянный выступ на вешалке.

— Мм... — глухо вырвалось у него, и по вискам побежали холодные струйки пота. Он успел вцепиться в стену, чтобы не рухнуть на пол.

Ци Хань инстинктивно шагнул вперёд, но замер, не решаясь прикоснуться.

— Ещё раз полезешь ко мне лапами — потребую компенсацию.

— Гэ, я просто зашёл сказать, что днём сюда придут, чтобы помочь тебе переехать в другую палату. Здесь слишком тесно и убого, в новой комнате будет всё необходимое.

— Не нужно, — холодно отозвался Фу Гэ.

— Мне нужно, — Ци Хань, не оборачиваясь, уже направился к двери.

— Так ты не успеешь меня поколотить, я смогу сбежать.

Фу Гэ только раздражённо фыркнул ему вслед, тряхнув головой, будто прогоняя назойливую муху.

Феромонная терапия действительно оказалась лучшим лечением. После пяти ампул феромонов состояние Фу Гэ заметно улучшилось. Кошмары стали мучить его реже, сон становился спокойнее и продолжительнее. Бледность исчезала, уступая место лёгкому румянцу, а на талии даже прибавилось немного веса.

Зато Ци Хань с каждым днём выглядел всё более измождённым. Будто лиана, оплетающая хрупкий цветок, он истощал себя, чтобы подпитать эту маленькую жизнь. Цветок, впитывая силы, распускался всё ярче и нежнее, а лиана становилась сухой и ломкой.

Даже самая вредная медсестра из команды заметила, насколько Ци Хань ослабел, но Фу Гэ так

и не заметил ничего. Потому что стоило ему взглянуть на Ци Ханя — и хотелось отвернуться с отвращением.

Феромоны доброго человека дарили ему спасение и облегчение. Маленький бета каждый раз после переливания спешил поблагодарить Ци Чуаня лично, а однажды, заметив, что повязка на его шее всё сильнее пропитывается кровью, не выдержал и заплакал от жалости и вины.

В этот момент Ци Хань лежал в комнате для изъятия феромонов, отделённой лишь стеной. Всё тело было покрыто холодным потом, железы воспалились и кровоточили, а сил не хватало даже на то, чтобы поползти до двери.

Он едва приоткрыл веки, и в полубреду перед глазами встал образ восемнадцатилетнего Фу Гэ, который нежно успокаивал своего мистера Мишку, напуганного кошмарами.

А сейчас его любимый, которому было уже двадцать три, с такой лёгкостью дарил слова заботы кому-то другому.

Фу Гэ спросил Ци Чуаня:

— Простите, как вы себя чувствуете после этого раза? Вам хоть немного полегчало?

Перед тем как окончательно провалиться в беспамятство, Ци Хань с горечью подумал:

— Гэ, всё ещё очень больно...

Прошла неделя, и состояние Фу Гэ продолжалось улучшаться. Врачи даже предложили Ци Ханю сдавать феромоны раз в два дня, но тот боялся, что резкое изменение частоты вызовет у маленького Гэ побочные эффекты. Поэтому он отложил это решение ещё на неделю.

Сегодня, выйдя из палаты Фу Гэ, он столкнулся с Чэнь Сином. Тот, сияя довольной улыбкой, швырнул ему в руки небольшой свёрток. Ци Хань поймал его на лету, приподняв бровь:

— Что это?

— Подарок на день рождения! У тебя же через неделю, совсем забыл, да? — Чэнь Син захохотал. — Пипец ты стареешь! И вправду забыл.

Ци Хань коротко усмехнулся: — И что же ты купил?

— Фиолетовые трусы*. Чтобы ты, блядь, наконец-то дождал этого упрямого засранца, твою жену — заорал Чэнь Син, уже срываясь с места и удирая прочь, прежде чем Ци Хань успел

швырнуть в него чем-то тяжёлым.

(Пп: *фраза “” (фиолетовая задница точно сработает) — это игра слов с выражением “” (точно получится). В китайской культуре фиолетовый цвет ассоциируется с удачей, а ещё есть традиция носить красные трусы в свой год по китайскому гороскопу, чтобы отгонять несчастья. Так что фиолетовые трусы здесь одновременно как шуточный талисман на успех и повод подколоть друга).

Ци Хань только закатил глаза и, не торопясь, сунул руку в пакет. Внутри оказалось три дорогие модели часов. Его губы невольно дрогнули в лёгкой усмешке, но мысли вновь вернулись к Фу Гэ.

Феромонная терапия приносила пользу не только Фу Гэ. Благодаря ей маленький Гэ уже не испытывал такого отвращения к его присутствию и даже привык находиться с ним в одной комнате.

Доктор говорил, что это из-за того, что тело постепенно восстанавливало утраченные связи, а разум, подчиняясь физической привязанности, тоже начинал смягчаться.

Например, сегодня в полдень, когда Фу Гэ спал, Ци Хань тихонько прокрался в его палату, чтобы проверить, как тот спит. Он едва успел присесть, как маленький бета вдруг распахнул глаза.

Ци Хань застыл на месте, ожидая, что Фу Гэ, как обычно, заорёт и выгонит его вон. Но вопреки ожиданиям, тот только нахмурился и пробормотал сквозь сон:

— Как же ты надоел... — а потом отвернулся и снова засопел в подушку.

Ци Хань чуть не задохнулся от удивления. Осторожно присел на край кровати, несмело сжал тёплую ладонь маленького Гэ и шепнул:

— Гэ?

Спящий не ответил, и тогда Ци Хань осмелел ещё больше. Наклонился и мягко коснулся губами его тёплой щеки.

— Надоел, а не выгоняешь... — пробормотал он, уголки губ дрогнули в тёплой улыбке.

— Сладких снов, малыш.

Фу Гэ спал крепко. За окном тихо накрапывал дождик, а он уютно свернулся в одеяле, пропитанном феромонами Ци Ханя, и даже не думал просыпаться.

Боясь, что Фу Гэ проспит весь день и ночью не сможет уснуть, Ци Хань через силу разбудил его. Но не успел сказать ни слова, как случайно задел настольный календарь.

Тот упал, и открытая страница оказалась именно на текущем месяце. Один из дней — 17-е число — был обведён красным маркером.

Пальцы Ци Ханя онемели, а в голове будто всё разом отключилось. Он не был настолько самоуверен, чтобы подумать, что Фу Гэ пометил дату ради него, но совпадение казалось слишком уж подозрительным.

Пару секунд он молчал, затем, не сдержавшись, принялся искать подсказки по всей комнате. Палата была просторной. На столе в маленькой кухне лежали нарезанные фрукты, а на холодильнике были наклеены стикеры с пропорциями сахара и сливок.

В конце концов, он открыл духовку и застыл: внутри стоял недопечённый торт. Будто бомба взорвалась в масле. Ци Хань растерянно застыл, не зная, как описать нахлынувшие чувства. Может, радость, доведённая до предела, действительно заставляет рыдать.

— Гэ? Почему ты ничего не сказал мне... — шепнул он едва слышно, опускаясь на колени рядом с кроватью.

Не решаясь разбудить его, Ци Хань осторожно дотронулся до руки Фу Гэ. Как и ожидал, на его пальцах виднелись покрасневшие от ожогов следы. В груди тут же всколыхнулась смесь радости и тихого укора.

— Зачем ты всё это делал? — прошептал он, голос дрожал от еле сдерживаемых эмоций. — Ты только подумай, я бы мог просто купить торт. К тому же ты знаешь, что я не особо люблю отмечать дни рождения...

— Ты вдруг стал таким добрым ко мне... Наверное, это всё из-за феромонов, да? — Но ничего, — он нежно коснулся губами обожжённых пальцев, будто пытаясь унять невидимую боль.

— Мы справимся. Всё будет хорошо.

С того дня Ци Хань жил только ожиданием этого дня рождения. Он ждал его больше, чем момента, когда врач, закончив забор феромонов, скажет: «Готово, можешь отдохнуть». Чтобы не разрушить сюрприз, который, как он думал, Фу Гэ готовил для него, каждый раз, когда палату наполнял сладкий аромат выпечки, он делал вид, будто ничего не замечает.

Даже перед зеркалом несколько раз репетировал удивлённое лицо для момента, когда ему вручат торт. А потом сам же и смущался от того, какой он глупый.

Но радость, как оказалось, может дурманить не хуже яда. В день своего рождения Ци Хань

облачился в свежую одежду, сбрызнул запястья любимым парфюмом и, пряча на губах предательскую улыбку, направился к палате. Он почти видел это: как войдёт, как Фу Гэ достанет торт, как они на мгновение встретятся взглядами...

Но только вот дверь приоткрылась, и Ци Хань замер на месте, едва не потеряв равновесие.

Фу Гэ стоял спиной к нему, бережно заворачивая торт в упаковку, а голос его был мягким и тёплым:

— Господин Ци, подождите немного, я только упакую торт, чтобы вам было удобно взять его с собой.

Он поднял глаза, и их взгляды пересеклись. В глазах Ци Ханя застыло что-то болезненно-стеклянное.

— Ты... Почему ты?.. — прошептал он, горло сдавило, и слова разлетелись, не успев обрести смысл.

Фу Гэ нахмурился:

— Что ты делаешь здесь?

— А ты куда собрался? — выдавил Ци Хань, хватая его за руку прежде, чем тот успел выйти.

— Я договорился с господином Ци пойти на выставку, — равнодушно ответил Фу Гэ, пытаясь высвободиться.

— Торт... Он не для меня? — голос его едва не ломался на словах. — Ты ещё и с ним идёшь на выставку?

— Для тебя? — Фу Гэ посмотрел на него как на идиота и едко усмехнулся.

— С какой стати я должен был печь тебе торт?

Ожидание и надежда, копившиеся столько дней, разом сжались в комок разочарования. Ци Хань сам не знал, что с ним творилось: это ведь был всего лишь торт, но от ярости хотелось рвать и метать.

— Не для меня, значит, для него? Ты печёшь торты для него, хотя знакомы всего пару недель? — выкрикнул он, вцепившись в руку Фу Гэ так, что пальцы побелели.

Маленький бета поморщился, пытаясь отступить, но наткнулся спиной на стену.

— Он отдал мне пятнадцать ампул феромонов, — сухо произнёс он. — Разве это не повод отблагодарить его чем-то?

“Бам!” — торт, вырванный из рук, полетел через комнату и глухо шлёпнулся на пол, развалившись на части. Глаза Ци Ханя горели алым безумием.

— Кого ты собираешься благодарить? Эти пятнадцать ампул, чёрт побери, были... — голос захлебнулся, и последние слова утонули в сдавленном рычании. Но последняя капля разума вернулась в сознание.

Он тяжело дышал, дрожащими пальцами нажал на кнопку гарнитуры и прохрипел:

— Принесите обед в палату. И отвезите господина Ци домой.

Голос был холодным, как лёд. Фу Гэ ощутил, как внутри всё похолодело.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. — Ци Хань резким движением сорвал гарнитуру, голос его прозвучал хрипло и холодно:

— Гэ, твоё тело окрепло и тебя сразу потянуло налево? Сегодня ты никуда не выйдешь.

— Ты опять собираешься запереть меня?..

— Да.

— Ци Хань, ты снова рехнулся?!

Он даже не пытался оправдываться.

— Да.

Спустя месяц после прошлого заточения, Фу Гэ не чувствовал ни страха, ни разочарования. В голове крутились лишь одни мысли: «Ну конечно. Разве могло быть иначе?»

Он молча привёл палату в порядок, поел, лёг спать и даже заранее смирился с тем, что этой ночью Ци Хань ворвётся в комнату, чтобы связать его и взять силой.

Но полночь давно миновала, а ничего не происходило. В коридоре было тихо, и только едва уловимый запах резанул обоняние — терпкий и густой до тошноты.

Фу Гэ мгновенно понял: это феромоны Ци Ханя. Когда-то они пахли сладковатым белом колокольчиком, но сейчас горечь казалась невыносимой. Концентрация взлетела до предела за мгновение, это могло означать только одно — альфа вошёл в период повышенной чувствительности.

Он подскочил к двери, намереваясь позвать кого-нибудь на помощь, но едва коснулся ручки, как дверь легко открылась.

Фу Гэ замер. Как так? Разве это не должно было быть заточение? Почему дверь не заперта?

Он шагнул в тёмный коридор, и каждый его шаг заставлял загораться тусклые лампы на потолке.

Коридор был узкий и немного угрюмый. И вдруг до слуха донеслась приглушенная, скрипучая мелодия. Только когда он приблизился, то понял, что это... пластиковый динамик играет «Happy Birthday». А Ци Хань сидел в конце коридора перед тортом, утыканным зажжёнными свечами.

Его взгляд был пустым и отстранённым, будто он уже давно утратил связь с реальностью. Он даже не понимал, что вошёл в период повышенной чувствительности, и что его феромоны теперь пропитали весь коридор.

Когда Фу Гэ наконец вышел из палаты, в глазах альфы на мгновение мелькнула надежда, но она тут же померкла.

— Ты правда хочешь пойти с Ци Чуанем, да?.. — голос его звучал глухо.

Фу Гэ нахмурился: — Ты что тут делаешь?

Ци Хань горько усмехнулся: — Жду, когда ты скажешь мне “С днём рождения”.

Он неуверенно подвинул торт вперёд, покрасневшие глаза блестели, но губы кривились в натянутой улыбке.

— Прости, что накричал на тебя сегодня... Я принёс торт взамен.

<http://bllate.org/book/14453/1278319>